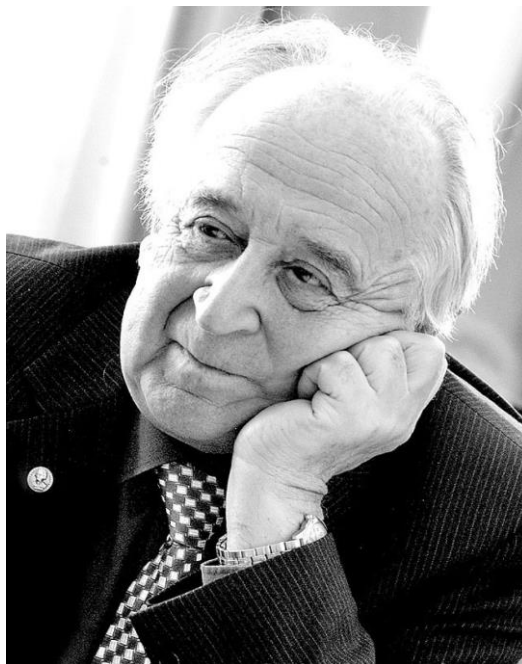

9 МАЯ СТАЛО ПЕРВЫМ ВЫХОДНЫМ ДНЕМ

О работе на «академическом заводе-лаборатории» вспоминает академик Игорь Юрьевич Коропачинский

На фронт я не попал, поскольку, будучи 1928 года рождения, к началу войны закончил пятый класс в 20-й школе Красноярска. В день, когда началась война, мы выезжали в пионерские лагеря. Впрочем, не выезжали, а выходили. Большая группа школьников, человек двести, прошла пешком 14 километров от города до лагерей ОСОАВИАХИМа (предшественника ДОСААФ и РОСТО). Пришли уставшие, нас покормили и уложили спать: тогда «мертвый час» считался полезным. А когда мы проснулись, то узнали, что началась война. И сразу было заявлено, что 600 советских самолетов полетели бомбить Берлин! Правда это или нет и, если правда, то вернулся ли назад хоть один самолет, я так и не узнал.

После этого в лагерях были созданы группы военизированной подготовки, и мы начали усиленно заниматься. Я попал в группу радистов-коротковолновиков, изучал азбуку Морзе и после полутора месяцев обучения даже получил квалификационное удостоверение, правда, с ограничением по скорости передачи. Затем я вернулся в школу, проучился еще год, закончил 6-й класс. Тут отца призвали в армию: ему было тогда уже около 50 лет. Он пришел на пункт сбора в городской парк. За столом сидели двое особистов и листали его личное дело. Один из них увидел, что отец, лейтенант запаса РККА, некогда закончил Санкт-Петербургский императорский университет, после чего был призван на Первую мировую войну. Особисты решили, что он

был так или иначе связан с белым движением и призвали его не офицером — рядовым автоматчиком. Правда, из-за возраста его отправили не на фронт, а на охрану тыловых объектов в Забайкалье. Забегая вперед, скажу, что отца демобилизовали не в 1945-м году, а значительно позже, года через три-четыре. Вскоре забрали и маму: она в совершенстве знала немецкий язык и была призвана как переводчица. Правда, вскоре ее отпустили домой, где оставался я с девятилетней младшей сестрой.

И тут началась голодуха. Мама ежедневно получала 500 граммов хлеба по карточкам по норме служащей, нам с сестрой полагалось по 400, а кроме этого еды, по сути дела, и не было. Чтобы не протянуть ноги, я пошел работать на завод — после шестого класса, 14-летним пацаном... и сразу стал получать рабочую норму в 750 граммов хлеба. Первое время нас, самых младших, гоняли на подсобные работы. Приходилось, например, разгружать уголь. Стоя в открытом кузове грузовика — ни о какой технике безопасности тогда не помышляли — мы ехали за 12 километров от города до путей, на которых стояли пульмановские вагоны. Каждый вагон — 60 тонн, на каждый — десять мальчишек и норматив: 2 часа 20 минут. Если дольше — грозит статья за саботаж, такие были времена. Приходилось делать всё, даже могилы копать.

Затем в армию призвали ребят 1925—26-го годов рождения... и вскоре на них пришли первые похоронки. Я к этому времени получил профессию: стал токарем по металлу. Работал на фрезерных станках, поперечно-строгальных. Почему на разных? Потому что наш завод № 327 Наркомата электрослаботочной промышленности не выпускал серийную продукцию, а был заводом-лабораторией, тесно связанным с Академией наук. Достаточно сказать, что руководителем одной лаборатории был доктор технических наук профессор Богородицкий, лауреат Сталинской премии, главный инженер — профессор Спицын, тоже лауреат Сталинской премии.

Мне выдавали пакет чертежей, как правило, секретных, с указанием, сколько каких деталей к какому сроку изготовить. Если не успел — не уйдешь с завода, пока не выполнишь задания. Объявлялось так называемое казарменное положение: ночуй там, где работаешь. Часик вздремнул, потом голову под кран — и снова к станку. Мой ученик Вася Бузунов ухитрился сделать себе «спальное место» из снятого со стены фанерного транспаранта с надписью «Больше продукции — ближе Победа!» (кстати, Вася потом играл в сборной СССР по футболу). Могу сказать, что за все годы работы на заводе не было ни одного настоящего выходного дня. В конце каждой недели мы видели на заводской доске объявлений одну и ту же надпись: в связи с производственной необходимостью такой-то день считать рабочим.

Я прекрасно помню 9 мая 1945 года — за все годы войны это был первый нерабочий день! Но все, не сговариваясь, собрались на заводе. Находился он в здании Лесотехнического института на проспекте Мира, в самой старой части Красноярска. Случилось что-то вроде стихийного митинга. После этого все дружно пошли на главную площадь города — площадь Революции. Мне, как

токарю, имевшему допуск к спирту, доверили бидончик с этой жидкостью. Всех угощали, нас тоже угощали. Такого праздника не было ни до, ни после. Об этом бесполезно рассказывать — только увидеть и почувствовать. Все обнимались, целовались... Была удивительная атмосфера радости и братства.

Что мы выпускали? Продукция была зашифрована. Изделия назывались условно: «призма», «шар», «СПУ», «колба». Уже после войны мне рассказали, что это было такое. С чужих, правда, слов, сообщу, что «призма» входила в комплект для размагничивания кораблей, этой темой в войну занимался академик Александров, впоследствии возглавивший Академию наук СССР. «Колба» оказалась частью радиомаяка для дальнебомбардировочной авиации, СПУ — самолетным переговорным устройством. А для чего служил «шар», мне так и не довелось узнать. По мере того как ребята постарше уходили на фронт, я переходил на более сложные работы, повышал квалификацию. В 16 лет я уже входил, можно сказать, в элиту токарей нашего завода. Помню такое изделие, как «коробки Нортон» — это второй класс точности, очень тонкая работа... Поэтому мы поневоле становились универсалами, учились работать на станках разного типа, наших и импортных. Достаточно сказать, что когда к нам приходили на практику студенты из вузов, то мы, пацаны, их обучали. А вскоре после Победы нас наградили медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

За перевыполнение планов я попал в категорию стахановцев и получил дополнительно 100 граммов хлеба. Я стал себе позволять обедать с хлебом, а обед был обычно «из трех блюд». Первое называлось рассольником и представляло собой кипяток с несколькими кусочками зеленого соленого помидора и ложкой рыжикового (не из грибов рыжиков, а из льняного сырья) масла, горького, как хина. На второе давали картофелину в мундире: я не могу понять, почему картошка всегда была мороженой и вонючей. А на десерт был чай по такой рецептуре: кусок сахара сжигали и добавляли в котел, отчего напиток приобретал коричневый цвет и характерный запах. Хлеб тоже был малосъедобный: туда добавляли все, что угодно, вплоть до лишайников. Мы, кстати, считали себя счастливой семьей. Моя мать работала в артели «Металлист», где варили рабочим на обед картошку. На дне котла оставался мутный осадок с мелкими кусочками картофеля. Мама просила поваров слить ей этот осадок и мы с нетерпением ждали, когда она вернется с работы с бидончиком, нас подкормить.

В городе, замечу, была страшная обстановка из-за разгула бандитизма. И милиция была ослаблена, и беглых из многочисленных лагерей, и дезертиров было полно... Уличного освещения не было. Когда мимо нас фронтовики, эшелон за эшелон, поехали на войну с Японией, то мы, не боясь уголовной статьи, ходили к путям и выменивали у солдат трофейные «Парабеллумы», с ними казалось спокойнее. Всю войну, как я уже сказал, не было выходных, но я занимался стрельбой и входил в сборную команду Сталинского района Красноярска. Подготовка к соревнованиям была не столько спортивной, сколько военной. Мы стреляли из боевых карабинов, из снайперских

винтовок, из пулемета Горюнова и пистолета ТТ, из автомата ППШ. У меня были хорошие снайперские результаты: за 600 метров попадал в мишень «пулеметное гнездо» размером с кусочек бумаги А5. Очевидно, что нас готовили для фронта: трудно было предугадать, когда завершится война, и новые призывники должны были быть подготовленными. Меня, кстати, никто и не спрашивал, хочу я стрелять или нет — просто сказали, что включен в стрелковую команду.

Когда война стала явно подходить к концу, я стал подумывать о продолжении образования. Ведь один год я вообще никак не учился, а потом ходил в школу рабочей молодежи. Но что это была за школа? Отработав 12-часовую смену, по темному городу, усталый и голодный, в засаленной телогрейке идешь в помещение, где нет даже электричества — и при свете коптилки пытаешься чему-то научиться... Так я прошел 7-й и 8-й классы, и на этом мое школьное образование завершилось. Когда война закончилась, я поступил в машиностроительный техникум. Поскольку я пришел туда с оборонного завода, то в моей трудовой книжке была запись «уволен на учебу» и годы техникума засчитывались в производственный стаж: этим летом он будет насчитывать уже 68 лет.

Оканчивая первый курс техникума, я решил заниматься изучением природы — машинного масла нанюхался вдосталь. В течение одного лета заочно сдал экзамены за этот курс, за 9-й и 10-й классы средней школы и приемные в институт. Так я стал студентом Сибирского лесотехнического института, который закончил в 1951 году. Там я остался в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию и далее занимался только наукой.

Подготовил А. Соболевский, ЦОС СО РАН

Источник:

9 мая стало первым выходным днем // [Наука в Сибири](#). - 2010. - N 18. - С.5.